

К 15012.11

Об авторе

Р.А. Балакшин родился в 1944 году в деревне Коротыгино Грязовецкого района Вологодской области. Учился в школе, окончил строительный техникум, служил в Советской Армии. С 1985 года - член Союза писателей. Автор 50 книг прозы (двухтомник житий святых для детей, книга о Дмитрие Донском, «Страсти по дому» и др.). Перевёл с немецкого языка сказки Рихарда фон Фолькманна.

Лауреат Государственной премии Вологодской области по литературе, номинант Патриаршей литературной премии.

ISBN 978-5-906850-79-9

9 785906 850799

Р. А. Балакшин

СОБОР СПАСА ОБЫДЕННОГО в Вологде

Р. А. Балакшин

СОБОР
СПАСА ОБЫДЕННОГО
в Вологде

*Историко-краеведческий очерк
к 365-летию со дня
постройки*

Вологда
«Сад-огород»
2018

86,372

УДК 821.161.1

ББК 83.8(2Рос-4Вол)

Б20

Балакшин, Р. А.

Б20 Собор Спаса Обыденного в Вологде / Роберт Балакшин. – Вологда : Сад-огород, 2018. – 51 с. : ил. – 12+

ISBN 978-5-906850-79-9

В новой книге писателя Р.А. Балакшина повествуется о святыне города Вологды – соборе Спаса Обыденного, а так же об обычае построения обычных храмов на Руси.

Адресовано широкому кругу любителей родной истории.

УДК 821.161.1

ББК 83.8(2Рос-4Вол)

ISBN 978-5-906850-79-9

© Балакшин Р. А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство
«Сад-Огород», 2018

Нет хуже, когда затянет, замотает тебя повседневная будничная текучка: каждый день надо куда-то идти, с кем-то спорить, о чём-то просить, убеждать, настаивать, кого-то ждать, встречать, провожать, участвовать в длинных, пустых, никому не нужных разговорах. Крутишься в этой текучке, суетишься, и вроде бы дело делаешь, а остановишься, оглядишься: сколько времени потрачено напрасно. Так тяжело, пасмурно на душе сделается – белый свет не мил.

Книгами только и спасаешься. Снимешь с полки одну, другую; тут полистаешь, там прочитаешь, третьей по-настоящему увлечёшься, и, кажется, даже дышать легче станет.

Но ведь бывает, что книга не только жизнь облегчит, а жизни ещё и толчок даст, направит её по неизведанному, новому пути, которому никакая текучка не страшна.

Так вот взял я однажды – в одну из тоскливых минут – том словаря В.И. Даля, примостился у окна на краешке дивана, листаю страницы. Наудачу взял том. Не глядя.

Шелестят страницы, глаза скользят по словам.

«Изба – крестьянский дом, хата, жилой деревянный дом. Избёнка, избёночка, избушка, избушечка, избушёночка (Вот даже как!). Не красна изба углами, красна изба пирогами. Всего дороже честь сытая, да изба крытая. В одной избе разными венниками не мети: разойдётся богатство. Избушка на курьих ножках, пирогом поддёрта, блином покрыта». [16]

Читаю я, и что-то отмякает в душе, теплее в ней становится.

«Избная помочь – устраивается тем, кто хочет рубить новую избу; полагается 100 брёвен и столько же помочан, для вырубки и привозки по бревну». [16]

Тут перемахнул я разом чуть не полтома и попал на занятное место. Занятого в нём одна буква, про которую поговорка: расставить все точки над і.

«Мір – наша земля, земной шар, свет, все люди, род человеческого; общество крестьян. На міру и смерть красна. Что на мір не ляжет, того мір не поднимет. Мір – велик человек. Мір за себя постоит. Всякий мірянин своему брату семьянин». [16]

Перелистнул я одну страницу назад. Там тоже есть «мир», только буква «и» обыкновенная.

«Мир – отсутствие ссоры, вражды, войны; лад, согласие, дружба; тишина, покой. У них в доме мир и благодать. Мир дому сему. Мир на земле, благоволение в человеках. Рать стоит до мира, а ложь до правды». [16] Ну, здорово!

Отошёл я душой от тоски окончательно. Взыграла душа моя. Да и как не взыграть ей? Язык-то наш русский каков! Слово в нём и лекарь, и учитель.

– Ладно, – думаю, – гляну ещё напоследок, и пора за дела браться.

Прихватил я уйму страниц, чуть не в самом конце том открыл. Глаза читают: обыденный; память подсказывает: заурядный, будничный, повседневный; а сознание решает: не интересное слово, всё, довольно, закрываю словарь.

Но глаза успели до конца строки прочесть: обыденный – одnodневный, одни сутки длящийся.

Память молчит. Сознание в замешательстве. А меня вдруг обвеяло то свежее бодрое чувство, когда случится узнать первое, истинное значение слова, понять его сокровенную суть, когда из-под его нынешнего, примелькавшегося обличья неожиданно проглянут древние строгие черты.

Читаю дальше.

Обыдень. «Об один день, – смекаю – было три слова, а слились они в одно». Катится словцо поигрывает на языке.

И припомнилось мне, что в прежние времена в наших северных реках жемчуг находили. Добывали даже. Крупные жемчужины, конечно, в редкость большую были, чаще попадались мелкие, их и называли, как крупу, «перловки».

Вот и словечко «обыдень» тоже с перловую крупинку, но крупинка эта жемчужная.

И так я словом этим разлакомился, что и о словаре совсем забыл, сижу, руки на него положив, и думается мне, что подчас

раковину-жемчужницу в колодезном ведре доставали. Где подхватило раковину током воды, сколько времени водной жилой во тьме несло – неведомо. Но вот вынула молодлица ведро из колодезя, поставила на край сруба и видит: ракушка на дне. Удивилась молодлица, хотела её выбросить, да расщепила створки крепкими крестьянскими пальцами, а в ракушке на голубовато-стальном лаковом исподе диво дивное: сияет в глаза молочно-серебристая ягодка. Зародилась она в живом теле, созрела и попала к людям.

Так мечтаю я, грежу, представляю себе молодлицу, капли влаги на её руках, вижу колодец-сруб, уходящий в земную глубину, даже день, когда это произошло, почему-то непременно жаркий, летний день.

Представляю я всё это, а в голове неотвязно шевелится: что же ещё такое заманчивое я в словаре увидал?

Пропало видение, склонился над словарём.

«Обыденная церковь есть в Москве и Вологде; по преданию они выстроены миром в одни сутки, по обету после чумы или мора: Вологодский Спас обыденный в 1618-м году». [16]

«Как это, – изумился я, – церковь за одни сутки, за один день выстроить? Ведь церковь, что ни говори, не крупнопанельная коробка, не сарай какой-нибудь, не склад, её кое-как не сляпашь, тем более, что в те годы, о которых в словаре говорится, сборного железобетона да электросварки и в помине не было».

А то, что Вологда здесь названа, меня ещё сильнее задело, раззадорило. Город я свой люблю, почти с самого рождения живу в нём, улицы, закоулки, все церкви его, памятники архитектуры наперечёт знаю, а о Спасе обыденном первый раз слышу. У кого бы об этом узнать? Может, в какой-нибудь книжке о неизвестном мне Спасе написано, а заодно и о церквях тех обыденных, что за один день строились.

Так с одного слова, со строчки началось моё исследование. Я долго ходил в библиотеку, читал, делал выписки, завёл переписку с другими городами. Удивительные вещи открылись мне.

Оказалось, что возведение обыденных храмов было самобытным русским обычаем, не встречающимся ни у какого иного народа.

Н.М. Карамзин сказал: «Долг гражданина состоит в упражнениях любви к Отечеству».

А разве занятия историей, изучение истории Отечества не есть полезнейшее из этих упражнений? Оно возвышает душу, придаёт жизни новый смысл: начинаешь жить не для себя – для своего народа. Итак, позвольте предложить вам плоды моих исторических упражнений.

Первая глава

ЧТО ТАКОЕ ОБЫДЕННАЯ ЦЕРКОВЬ (ОБЫДЕННЫЙ ХРАМ)? ПОВОД К ЕЁ ВОЗВЕДЕНИЮ

Обыденная или единокладная церковь, как явствует из её определения – церковь, построенная за один день. Не за сутки – здесь В.И. Даль ошибся, – а именно за один день. Работа могла начаться и в ночь на новый день, но возведение и освящение храма должны были быть закончены до захода солнца. Прикинув, что иной осенний день короче летнего чуть ли не вдвое, мы увидим, что времени на строительство церкви выпадало не так уж много.

Понятно, что обыденная церковь могла быть только деревянной, небольших размеров и простейшей конструкции. Например, Екатерининская обыденная церковь в Вятской губернии (ныне Кировская область) была совсем крошечной: «Величина... Вятской церкви около полутора квадратных сажень; престолом её служит простой пенёк; царские врата – две доски, привязанные верёвками». [1]

Жёсткие ограничения срока постройки не только определяли материал и размер здания, но сказывались и на его долговечности. Обыденная церковь, как правило, существовала лет 40–50, а то и меньше, хотя известен случай, когда обыденная церковь простояла свыше полутора веков (г. Новгород, ц. Спаса Всемилостивого или Происхождения Честных Древ, 1424–1529), тем самым опровергнув пословицу: «Обыденком делать, обыденно и простоит».

Повод к возведению обыденных церквей был единственным. Он был ужасен: церкви эти возводились во время морowych поветрий (эпидемии чумы), в средние века неоднократно

но опустошавших как Древнюю Русь, так и страны Западной Европы.

Известны, правда, два сообщения о постройке обыденных церквей по другим поводам:

а) в ознаменование спасения князя Владимира от печенегов в 996 году;

б) в память победы новгородского князя Андрея Александровича в 1301 году.

Но во-первых, утверждения, что эти церкви – обыденные, сомнительны;

Во-вторых, хотя бы и были эти церкви срублены за один день, это именно те исключения, которые подтверждают правило, так как в основе обряда постройки единокровного храма лежит идея «обыденности», суть которой будет изложена ниже.

Итак, моровое поветрие. Послушаем летописца, рассказывающего нам о страшном море 1417 года, который, верно, вошёл во все русские летописи.

«Того же лета мор был страшен зело на люди в Великом Новгороде, и во Пскове, и в Торжку, и в Тфери, и в Дмитрове, и по властем, по селом. И толико велик бысть мор, яко живши не успеваху мертвых погребати, ниже довольни бываху здравии болящим служити, но един здравый десятерым и двадцатерым болем служаще; и на всех тех местах умираху толико на всяк день, якоже не успеваху здравии мертвых погребати до захождения солнечного и многи селы пусты бяху, и во градах и посадех. Болезнь же сицева бысть: преже яко рагатиною удари за лопатку человека, или противу сердца, или под груди, или промеж крыл, или в паху, или под пазуху, и разболевся человек, начнет кровию харкати, и огонь разжет, и потом пот велий имет, и потом дрожь имет; и тако похожаше по всем суставам человеческим недуг той; железа же (нарывы – Р.Б.) не единая быше, иному на шию, иному на стегне, иному под скулою, иному в паху, и на иных местех. И в болезни той полежавше, умираху мнози с покаянием...» Иной медицинский учебник может позавидовать этому выразительному описанию лёгочной и бубонной чумы.

Продолжим цитату: «В Новежегороде, и в Торжку, и во Тфе-ри обещающа людие обеты многими, и во един день по многим местом церкви срубиша и поставиша и свящаща и литургиса-ша...» [2].

Да, в городах (или в одном городе), охваченных поветрием, строились обыденные церкви. И мор прекращался!

Свидетельства из летописей: «В лето 6925 (1417 г. – Р. Б.) Того же лета бысть мор по всей земли Русстей, не успеваху погребати. И наугородцы поставиша церковь мученицы Анастасии и священа того же дни, и преста мор» [3].

«В лето 6982 (1474 г. – Р. Б.). Того же лета на Устюге мор бысть силен на люди. И сотвориша устюжения обет, единого дне поставили церковь Воскресения Христова надо рвом и мор преста» [4].

Редкостный пример из псковской летописи: «В лето 7030 (1522 г. – Р. Б.)... поставиша церковь св. Варлаама... и мор не преста. И паки поставиша другую церковь Покров Святой Богородицы... и преста мор» [5].

Я предвижу возражения людей склада ума практического, которые примутся доказывать – и докажут как дважды два – что постройка церкви здесь не при чём, была масса других объективных причин к прекращению несчастья: естественный спад интенсивности эпидемии к данному моменту, общий психофизический подъём населения, вызванный религиозной церемонией; случайное совпадение, если хотите и т.п.

Трудно судить об объективных причинах. Да и к чему всякий раз пропускать солнечный луч через призму спектроскопа. Разве не достаточно нам того, что луч просто светит.

Вторая глава

КАК СТРОИЛИСЬ ОБЫДЕННЫЕ ЦЕРКВИ?

Обыденная церковь не была рядовой церковью. В возведении её было много необычного. Необычного, но основанного на обычном, повседневном.

Если я скажу, что все обыденные церкви были обетными, то, на первый взгляд, что же здесь необычного? Разве мало было на Руси обетных церквей? Но в нашем деле была своя изюминка.

Чтобы увидеть, в чём она заключается, рассмотрим вкратце с точки зрения психологической само понятие «обет».

Для наглядности возьмём эпизод из жизни упомянутого выше князя Владимира Святославича.

Князь Владимир получил известие о набеге печенегов на город Василёв, что неподалёку от Киева. С малой дружиной князь поспешил отразить набег, но в столкновении с врагами не устоял против них, принужден был спасаться бегством и, уходя от погони, схоронился под мостом.

Наступил критический момент.

Если до этого момента Владимир поступал, как ему хотелось, как он желал, теперь в ход событий вмешалось ТО, что люди называют различно: судьбой, случаем, Божиим промыслом. В этот миг совершается то, что суждено. Суждено Владимиру жить – и печенеги промчатся по мосту; суждено умереть или попасть в плен – один печенег да заглянет под мост. Что будет? Великий князь – храбрый воин, мудрый государственный муж, креститель Руси, родственник византийского императора – в один миг оказался уравнен с простым смертным.

В этот миг душевного надлома человек или совершает опрометчивый поступок или полностью вверяется ТОМУ, от

чего зависит всё, и даёт обещание в случае благоприятного исхода воздвигнуть статую, пожертвовать что-либо в храм (как бывало в Древней Греции или Риме), или построить церковь (когда язычество сменилось христианством).

Владимир вознёс молитву Подателю всех благ и спасся. Так была создана первая на Руси обетная церковь. Примеров таких церквей можно привести много: церковь, воздвигнутая Мстиславом после единоборства с Редедей (1012), Спас Каменный на Кубенском озере (1260), храм в Великом Устюге во избавление города от литовцев и поляков (1613), церковь Покрова Богородицы в Филях (конец XVII в.), но все эти церкви создавались после события, когда исход его уже был ясен.

Обет же о построении обыденной церкви исполнялся не после события, а во время его. В этом и заключается первое отличие обыденной церкви от просто обетных церквей.

Рядовая обетная церковь возводилась на средства того, кто принёс обет (князя, боярина, купца), а в нашем случае люди, давшие обет, самолично и исполняли его. В этом вторая особенность обыденного храма.

Если затем я скажу, что все обыденные церкви были результатом, итогом коллективного труда, то что же необычного в этом? И все церкви строились коллективом. Одному человеку, как бы ни был он мастеровит и силён, не соорудить здание.

Да, это так, но простую церковь строил коллектив – артель, состоявшая из относительно небольшого количества человек, наёмных работников, а здесь коллективом был весь город, все горожане были участниками постройки. И не только они. В город в этот день стекались крестьяне из окрестных, уцелевших от мора деревень. Кто непосредственно строил, кто помогал, кто всего лишь присутствовал, но все были озарены одной мыслью, объединены одним упованием и надеждой, одухотворены одной молитвой.

Этот коллективизм отразился в названиях обыденных церквей, многие из них именовались всеградскими. И, разумеется, никто их строителей не получал за свой труд платы.

Таковы основные отличия возведения обыденных церквей от возведения церковных зданий вообще и строившихся по обету в частности. Интересны и мелкие особенности, так сказать, детали. Для постройки был необходим только что (в этот же день) срубленный лес. Использование частей какой-либо старой постройки не допускалось. Обыденная церковь должна быть срублена заново, а не собрана.

В день возведения храма горожане строго постились, никто не вкушал пищи до освящения храма. А, если знать, что в честь такого события люди надевали чистую одежду и припомнить незапамятную ратную традицию – перед боем облачаться во всё новое, то получалось, что население города как бы выходило на битву с чумой.

В связи с этим любопытно сравнить, как вели себя люди во время подобных испытаний в Западной Европе.

«Декамерон» Боккаччо (эпидемия 1348 года); «Пир во время чумы» А. Пушкина – перевод пьесы Д. Вильсона «Город чумы» (эпидемия 1666 года); рассказы Э. По – дают нам такую возможность. Мы видим людей растерявшихся, отчаявшихся как-либо противостоять грозному бедствию. Люди убегают из зачумлённого города (при чём бежит знать, которой есть где укрыться), пытаются забыться в вине, в веселье, в разгуле. Это стремление изолироваться, быть врозь, вроде бы разумно, его диктует здравый смысл, инстинкт самосохранения: чем больше скученность населения, тем эпидемия смертоносней.

На русской же земле всё происходит иначе. Люди не бегут, не прячутся, не рассредоточиваются, говоря языком инструкции, а, напротив, собираются все вместе: и взрослое население, и дети, и старики. Люди ищут спасения в общей работе, в единстве помыслов и желаний, в общей молитве. Ищут – и обретают его.

Всё же надо признать, что и в нашем Отечестве возникали ситуации, похожие на описанные в «Декамероне». Приведу пример из «Волоколамского патерика»: «...Бысть великий мор в лето 6935 – го (1427 года – Р. Б.), а мерли болячкою, глаголемую прыщем... и три дня болев, умираше... елицы же нечувствени

питию прилежаху, занеже много меду пометнуто и презираемо бе. Они же в толико нечувствие приидоша злаго ради пианства; един от пьющих внезапно паде умираше, они же ногами под лавку впихав, паки прилежаху питию. Елицы же нечувствием содержима и в таком наказании и гневѣ Божии погибоша, аки нечувствении скоты». (6)

Позиция автора налицо. Русскому человеку XV столетия в дикость, как можно предаваться пьянству и прочим «радостям» жизни, когда рядом умирают люди.

Третья глава

КОГДА И ГДЕ СТРОИЛИСЬ ОБЫДЕННЫЕ ЦЕРКВИ?

Самое раннее свидетельство о постройке обыденной церкви относится к г. Пскову (1352), самое позднее к г. Костроме (1757). Таким образом, строительство обыденных храмов имело по меньшей мере четырёхвековую традицию.

Начиная собирать материалы для статьи, я просмотрел несколько томов русских летописей и в одной из них обнаружил упоминание о море 1119 года: «18 августа в Новгороде у Мстислава изомроша кони и дружина вся» [7]. В словаре Брокгауза и Ефрона говорится, что чума впервые появилась в России в XI веке, повторялась неоднократно в XII, XIII веках» [8].

Я так и предполагал, что начало строительства обыденных церквей нужно искать в этих веках. Искал долго, настойчиво, но представьте моё недоумение – источники (летописи) сухо указывали только на XIV век.

Как же так? – сомневался я. – Не строили, не строили, а в XIV веке начали строить. Может, этот обычай существовал ещё в Киевской Руси, но был пресечён татаро-монгольским нашествием? Было же им прервано слагание былин, и русский эпос, наша «Илиада», сохранился на Севере, в Олонецкой губернии. Но ведь в Новгороде-то и в Пскове никто эту традицию не пресекал, а более ранние постройки и там неизвестны.

А, может, эпизодические вспышки чумы XI–XIII веков, не имевшие никакого сравнения с потрясающими, подобными смерчу, эпидемиям XIV века, просто не могли дать толчка к возникновению нового обычая?

Если у Мстислава «изомроша только кони и дружина», то в мор 1387 года в Смоленске «осталось 10 человек и город затвориша» [9].

Я понимаю, что с десятью работниками церковь не построишь, но не всегда же дело доходило до такой крайности, а русский человек не того склада, чтобы безропотно ждать, когда зараза изведёт его под корень, и, коль есть ещё сила, всё равно будет сопротивляться.

Я отыскал-таки два факта, которые наводят на мысль, что единичные случаи постройки обыденных храмов были возможны и до XIV века.

1. В г. Ростове в 1654 году по случаю моровой язвы была построена церковь Всемилоственного Спаса на Торгу. Примечательно, что впервые ц. Всемилоственного Спаса была создана в 1216 году [10].

2. «Того же лета (1289 года – Р. Б.) совершена и священа бысть церковь Спаса Преображения во Твери епископом Андреем ноября 8...» [11].

Из последней цитаты прямо складывается впечатление, что церковь создана за один день, и ноябрь месяц немаловажный довод, т. к. наиболее острые вспышки эпидемий обычно приходились на осень: крысы и мыши, переносчики чумы, осенью «в поисках пищи и защиты от холода переселяются в населённые пункты... и ...вступают в тесный контакт с человеком» [12].

Ростовский Спас примечателен не только повторением прежнего имени, но и тем, что первоначальная церковь тоже, очевидно, была деревянной и что построена она на Торгу, на торговой, центральной площади, а обыденные храмы как раз и ставились в наиболее многолюдных местах, не на отшибе.

И всё же оба эти факта страдают отсутствием одного, самого существенного доказательства: в летописях нет ни слова о морах 1216 и 1289 годов. Во всяком случае, мне их найти не удалось. Так что нижней точкой отсчёта по-прежнему остаётся 1352 год, а верхней – 1757-й.

Хотя не исключено, что зарождение обычая строительства обыденных храмов обусловлено событиями XIV века. В этом веке эпидемические вспышки чумы приобретают на Руси постоянный характер. Судите сами, их количество в XIV веке (24 случая) вдвое перекрывает подобный показатель за все четы-

ре предыдущие века (X в. – 0, XI в. – 4, XII в. – 7, XIII в. век наше- ствия на Русь – 13) [13].

Ставшая данницей Золотой Орды, Русь в этом веке находится в непрерывном принудительном общении с нею: наезды баскаков, карательные походы ханов, поездки русских князей на поклон в Орду. А, как известно, один из мировых очагов обитания разносчиков «чёрной смерти» находится в Азии.

Помимо изучения печатных источников я испробовал другой метод сбора материалов: разослал более тридцати писем в города России с просьбой сообщить, нет ли там каких-либо сведений об обыденных храмах. В ответ мне пришло много добрых содержательных писем, без которых – нужно сказать честно – я не смог бы написать эту статью. Благодаря этим письмам установлено, что обыденные храмы были в городах: Пскове, Новгороде, Москве, Сольвычегодске, Великом Устюге, Ярославле, Шуе, Ростове, Твери, Суздале, Костроме, Каргополе, Торжке, в Кировской (бывшей Вятской) области, и, разумеется, в Вологде. Общее число выявленных церковей достигает 32-х (в некоторых городах они возводились не по одному разу).

Много городов называется в том смысле, что в них могли быть возведены обыденные церкви. Более точных сведений мне, к сожалению, получить не удалось. Это города: Белозерск, Можайск, Коломна, Дмитров, Старая Русса, Порхов, Старая Ладога, Таруса, Владимир. Нетрудно заметить, что основной массив бытования обыденных церковей расположен северней Москвы. Это подтверждает мнение замечательного этнографа Д.К. Зеленина, что «обычай постройки обыденных храмов был известен только в Новгородской и Московской Руси» [6].

Быть может, со временем к выявленным церквям удастся присоединить ещё несколько, но уже и сейчас видно, что обыденных храмов было не так уж много на нашей земле – крупинки в необозримом океане русского церковного зодчества.

Четвёртая глава

ПОЧЕМУ ОБЫДЕННЫЙ ХРАМ ИМЕННО ОБЫДЕННЫЙ?

Действительно, почему?

Для нас, людей XX века, воспитанных в иной системе ценностей, чем русские люди XIV–XVIII веков, такое быстрое, торопливое возведение храма может показаться ни чем иным, как малообъяснимой спешкой. Но, может быть, это была вовсе не спешка? Да, система ценностей была иной, и, если религиозную веру и сейчас кому-то принять трудно, то историческую веру мы по-просту обязаны иметь. Веру в то, что люди, жившие до нас и жившие, в конечном итоге, для нас, жили не бессмысленной, никчемной жизнью. И, если мы задумаемся об этом, попытаемся понять их жизнь непредвзято, а уважительно, с доверчивой и чистой душой, тогда в том, в чём нам видится спешка, откроется глубокий возвышенный смысл.

В современной системе ценностей есть понятие о том, что инфекционные болезни вызываются вредоносными микроорганизмами – бактериями. Наши же предки представляли эти болезни в виде живых существ, которых народное мировоззрение объединяло в одну категорию – нечистой силы.

«В большей части земель, заселённых славяно-литовскими племенами, моровая язва олицетворяется женщиной огромного роста. Был жаркий день, русин сидел под деревом. Приблизилась к нему высокая женщина, закутанная в белое покрывало. – Слышал ли ты про Моровую язву? – спросила она. – Это я – сама» [15].

Другой род болезни народ мыслил в виде двенадцати сестёр, имена им: лихорадка, трясуха, гнетуха, бледнуха и т.д., которые набрасываются на неосторожных людей.

Кто же может победить нечистую силу, чем можно отогнать её?

Очевидно, что победить её в состоянии какое-то существо, обладающее, в противовес ей, чистой силой или – что доступнее – её может отпугнуть предмет, наделённый чистой силой, чистотой.

Чистота – понятие очень древнее. Когда-то оно совпадало с понятием новизны. Что новое, то и чистое. Но лишь только новый предмет появился на свет, нечистая сила, злые духи стремились войти в соприкосновение с ним, осквернить его. Даже огонь – сама чистота – и тот в старину возобновлялся: в домах гасились все старые огни и добывался новый огонь, который предпочтительно употреблялся в различного рода обрядах именно как более чистый. Так же и вода, употребляемая в народных обрядах, бралась непременно свежая, только что из источника – потому что, по народным убеждениям, нечистая сила вредит тому, что она хорошо и подробно знает, и бессильна против того, что её ведению почему-либо неизвестно.

Теперь посмотрим на обыденный предмет: кроме храма им могло быть полотенце, а позднее – икона. Во-первых, он нов. За всё время своего производства он не сходил с рук людей, люди постоянно были при нём, нечистая сила не имела к нему доступа, т. е. он не просто чист, он чист безупречно.

Изначальная, безупречная чистота – одно из слагаемых идеи «обыденности». Второе слагаемое – необычность обыденного предмета и, следовательно, его таинственность. Ведь ещё вчера или даже сегодня утром он был сырьём, материалом (льном, лесом, красками), и вот это уже НЕЧТО – предмет, имеющий форму. Предмет, которого не было, который появился как бы вдруг, за сказочно короткий срок. Предмет абсолютно неизвестный нечистой силе.

В результате сращения этих двух элементов – безупречной чистоты и таинственности – в давние, ещё языческие времена выработалась идея «священной обыденности», т.е. всё однодневное являлось вместе с тем и священным. На языческое происхождение этой идеи указывает такой пример.

А.Е. Богданов в своей книге «Пережитки древнего мирозерцания белорусов» сообщает следующее: «...Средством против мора считается «однодневное полотенце». В назначенный

день, до восхода солнца собираются девушки со всего села в одну избу, и каждая приносит с собой по горсти льна. Они дружно в глубоком молчании принимаются за работу: прядут лён, снуют основу, ставят кросна, ткнут полотно. Когда полотно готово, все жители деревни выходят за деревню и обходят вокруг неё. Когда сделают полный обход, то на том месте, с которого вышли, раскладывают небольшой огонь из щепок и лучинок, принесённых с каждого двора. Две девушки держат за концы полотенце над огнём, а все жители деревни переходят через огонь под полотенцем и переносят детей и больных... Всё это должно быть проделано в течение одного дня до захода солнца» [15].

Для этого описания показательно полное отсутствие христианской символики. Идея «обыденности» зафиксирована в нём на своём первоначальном, раннем этапе.

Затем эта идея, как любая живая идея, развивалась, эволюционировала и была преемственно усвоена христианством, когда посредством благодати Святого Духа чистота вещественная, земная сопряглась с чистотой духовной, небесной.

В словаре В.И. Даля читаем:

«Девятой пятнице строят обыденную пелену (обычай Вологодской губ., Никольского уезда: девки сходятся, теребят лён, прядут и ткнут в сутки пелену по обету)». Девятая пятница имеется в виду от Пасхи. Здесь же у Даля отмечено: «Девятую пятницу от Воскресения Христова чествуй» [16].

Следующим крупным этапом развития идеи обыденности явилось строительство обыденных храмов, а вскоре и написание икон. Первое свидетельство об обыденной иконе относится к XV веку.

«В 1445 году в честь (? – Р.Б.) [17] избавления жителей от «морowego поветрия» монах-изограф Серапион написал икону «Спас Нерукотворный» [18].

Русь подхватила древний обычай, переосмыслила и развила его.

Теперь становится ясно – я возвращаюсь к началу главы – что, действительно, никакой спешки не было. Ограниченное время постройки церкви было обусловлено идеей, заложенной

в ней. Жители города, принимая участие в возведении храма, тем самым как бы проходили обряд очищения, а храм становился талисманом, оберегом, обладающим магической силой воздействия на нечисть, становился символом безупречной чистоты [19].

Прежде чем перейти к описанию конкретного случая постройки обыденного храма (до сих пор об этом говорилось вообще, как о понятии) подведём итог, можно сказать, теоретической части нашего исследования.

ОБЫДЕННАЯ ЦЕРКОВЬ, как исторический феномен, является обычаем, присущим русскому народу. Наиболее достоверный временной период бытования обычая XIV–XVIII вв.; район распространения – центр и северо – запад России.

ОБЫДЕННОЙ ЦЕРКОВЬЮ называется обетная церковь, отвечающая следующим условиям:

– она должна быть возведена во время мора (какой-либо эпидемической болезни, охватившей значительное число населения);

– она должна быть возведена в течение одного дня;

– она должна быть возведена при обязательном участии всех горожан (жителей населённого пункта), независимо от возраста и общественного положения;

– она должна быть закончена и освящена до захода солнца.

Возведение **ОБЫДЕННОЙ ЦЕРКВИ**, в упрощённом истолковании, есть массовый очистительный обряд от поразившей людей скверны, а с точки зрения православной веры – всеобщая молитва.

Так наши предки молитвой создавали храмы.

Пятая глава

ВСЕГРАДСКИЙ СОБОР ВСЕМИЛОСТИВОГО СПАСА В Г. ВОЛОГДЕ

«Вологда, – писал краевед П. И. Савваитов, – никогда не была театром происшествий, которые покрыли бы её ярким блеском в летописях отечественной истории. Уездные города Устюг и Сольвычегодск в этом отношении гораздо замечательнее её. Но чем меньше воспоминаний, украшающих наше прошедшее, тем драгоценнее они должны быть для нас» [20].

Это произошло в 1655 году. Моровая язва, уже два года опустошавшая южные и центральные области Русского государства, проникла и в Вологду. В надежде не допустить страшную гостью принимались меры предосторожности: дороги, заставы бдительно охранялись, никого не выпускали из города и не впускали в него. В городе пока всё обстояло благополучно, хотя из подгородных деревень уже давно поступали тревожные известия.

Однако, как ни береглись, язва оказалась хитрей: украдкой прошмыгнула в Вологду, и в первых числах сентября открылись первые случаи чумы, а невольная болезнь стала повальной. Уже минуло шесть недель, и, кажется, должна бы уняться, изнечить, насытиться язва, а она свирепствует ещё сильнее, ещё беспощадней.

К Лазаревскому кладбищу тянутся бесконечные вереницы телег с гробами. Кроме отдельных могил, роятся братские, в которых погребают разом по 20–30 человек. Нет ни одного дома, ни одной семьи, где бы ни оплакивали утрату близкого: деда, отца, сына, дочери, брата, сестры, внука. Немало изб стоит с заколоченными окнами: там семьи вымерли целиком.

День и ночь гудит над городом большой соборный колокол. Ему отзываются колокола приходских храмов, тех, в которых ещё остался жив кто-либо из священнослужителей.

В довершение напасти в городе неимоверно расплодилось крысы. Мерзкие твари безбоязненно бегают по улицам даже днём. В небе над городом кружатся чёрные тучи воронья. Ночью из окрестных лесов доносится тягучий волчий вой. В заброшенных избах остались непогребённые покойники, и по всему городу растекается, незримым туманом стоит тяжёлый обморочный трупный смрад.

Один за другим стихают, гаснут голоса приходских церквей. Лишь соборный колокол не сдаётся. Густой бронзовый звон волнами катится над городом, уходит в поля. О чём говорит, к чему зовёт?

Не слышат люди, совсем они упали духом, смирились с бедой. Да и как не смириться? Чем противостоять язве? Саблей? Пищалью? Язва – противник невидимый. Как с нею ратоборствовать?

Ужас и уныние царят вокруг. Прекратились все тяжбы и ссоры, замерла торговля – продаётся самое необходимое и в малых количествах – некому покупать; порвались дружеские связи – друг и желал бы утешить друга, да страшится язвы.

Мёртвые покоились на кладбище, однако и живые походили на заживо погребённых: город как будто вымер. Прогромыкает по пустынной улице повозка, пройдут за ней следом священник с печальными родственниками усопших и опять на улице никого. Только выметнется из-за угла серой тенью крысиная стая, скользнёт через улицу в распахнутую настежь дверь осиротевшей избы, и снова всё мертво.

Но гудит, гудит соборный колокол.

У кого возникла мысль о построении обыденного храма – неведомо. Быть может, её подал бывалый человек, который много повидал на своём веку и знал, что в других городах строились такие храмы; может, эту мысль посеял в умы своей паствы уважаемый горожанами архиепископ Маркелл, а может, она народилась сама, только «Господь знает все движения мысли» (1 Пар.28.9.). Доподлинно известно одно: во многих городах Руси оставила в тот год язва свой губительный след, во многих городах стучали в тот год топоры: выросли обыденные храмы в Суздале, Шуе, Ростове...

Накануне знаменательной ночи, ввечеру, горожане, охваченные единым порывом, дали обет поставить единокровный храм во имя Всемилоственного Спаса.

В ночь на 18-е октября (31-е по григорианскому календарю) улицы Вологды, казалось бы уже отвыкшие от шума жизни, наполнились народом. Разгоняя зловещую ночную тьму, пылали свечотчи – трубочатые полосы берёсты, надетые на батоги. По улицам в суровом молчании – слышался лишь шорох и треск горящей берёсты да топот множества ног – шествовали люди. Они направлялись к Большой (иначе Сенной) площади. Шли старики – они несли иконы (впрочем, стариков было мало: чума особенно беспощадна к пожилым людям), рядом торопливо семенили дети – они помогали взрослым нести инструменты и прочие мелкие вещи, потребные к постройке; шли отроки и юноши, шагали мужи и жёны.

Когда все собрались на площади, так что и ближайšie улицы и переулки были запружены народом – значит, не вымер город, нет, не столько вымерло людей, сколько попряталось – тогда вспыхнули ещё десятки загодя припасённых свечотчей. Они осветили ровное пространство посреди площади – место, назначенное для храма. Архиепископ Маркелл окропил это место святой водой, прочёл начинательную молитву. И работа началась.

Колокол на соборной колокольне умолк.

Желание какого-то решительного действия, какого-то общего дела, которое бы встряхнуло и сплотило всех, давно подспудно зрело в душах людей. Трудно жить, когда беда общая, а ты один, откололся от всех, задавит она тебя, одиночку. И наконец-то это желание воедино бороться с бедой передалось всем, нашло достойное применение, и люди воспрянули духом, как бы пробудились от сумрачного, пагубного сна. Люди вновь захотели жить, и любовь изгнала страх [Ин. 4. 18].

В лесу валились деревья, на лошадях их везли в город, на площади брёвна корили, обтёсывали – работа находилась всем, венец поднимался за венцом. Созидался храм духовного единения.

Великое дело – созидательный труд. Ведь трудятся не только руки, но трудом занята и душа, её не терзают праздные помыслы, не тяготят тревожные предчувствия, в труде она хо-

тя бы на время может отвлечься от мирских горестей и забот. Но несравненно возвышенной труд, освящённый молитвой, когда человек трудится не ради личной корысти, собственного прибытка, а для других людей. Воспламенённая верой, в сердце возгорается любовь к ближнему, и душа, окрылённая надеждой, со смелой уверенностью ожидает грядущий день.

...Вскоре занялся робкий рассвет, наступило хмурое, пасмурное утро. Только около полудня сквозь пелену облаков пробилось солнце. Первые лучи его осветили на земле уже почти готовый храм, оставалось водрузить главку и увенчать её крестом.

Вот совершенно и это. Владыка Маркелл в праздничном облачении приступил к чину освящения храма.

«В лето 7165-го (1655г. – Р. Б.)... был на Вологде мор велик, – говорит летописец, – и поставлен бысть единокровный храм во имя Всемилоственного Спаса... И от того дня мор на Вологде преста» [21].

Так была построена обыденная церковь в Вологде, одна из немногих на Руси. Невелики были её размеры. Когда в 1854 году в церкви (уже каменной) переделывали полы, то обрели нижний венец древнего храма. Это был прямоугольник в три сажени на две с половиной (6м x 5м). Имеется фотография с росписи, украшавшей каменную церковь, на которой изображена постройка обыденного храма и сам храм – высокий сруб, типа колодезных, только с дверью, тремя окнами и крышей.

Из части одного бревна этого венца был изготовлен воздвизальный крест, хранившийся потом в специальном киоте.

На другой день после постройки вологжане составили общественный приговор – своеобразное послание потомкам, в котором рассказывалось о данном горожанами обете о постройке церкви и давался завет: не забывать этот день Приговор подписали 220 человек. Приведу несколько фамилий: Давыд Кондратьев, по прозвищу Третьяк Желвунцов [22], Евсей Носков, Первой Катромец, Третьяк Яковлев, Дружина Михайлов, Акила Карпов, Савин Сверчков, Замятня Евдокимов, Иван Вага, Потап Лютово, Ждан Михайлов, Томило Пушник, Степан Стоумов... [23]

А через четыре дня для нового храма изографом Сумароковым была так же обыденно написана икона Спаса Смоленского – продолжительное время городская святыня. Перед этой иконой была возжена неугасимая лампада, теплившаяся в церкви Всемилоственного Спаса свыше 260-ти лет.

Тщанием горожан эта икона была богато украшена. В XIX веке по рисунку академика Ф.Г. Солнцева для неё была изготовлена золотая риза (веса в ней два фунта – сообщает краевед Н.И. Суворов), кроме того, икону унизывали 500 крупных жемчужных зёрен и 400 бриллиантов и алмазов.

День построения храма 18 (31) октября был городским праздником. Накануне совершалось всенощное бдение, а на другой день от всех городских храмов к Спасу Обыденному шли крестные ходы, на площади правился торжественный молебен, а в храме служилась Божественная литургия.

В конце XVII века деревянную церковь сменила каменная. «Строение её продолжалось около десяти лет, и во всё это время деревянная обыденная церковь не была разобрана, но находилась внутри новостроящегося храма» [24]. В 1840–1841 годах был произведён капитальный ремонт храма, который с незначительными перестройками просуществовал до двадцатых годов минувшего столетия. 29 ноября 1895 года указом Святейшего Синода храм был возведён в степень собора.

Спас Обыденный, размерами весьма уступая кафедральному Софийскому собору, по силе народной благочестивой любви стоял наравне с ним. В нём молились во время своих посещений Вологды императоры Александр I и Александр II, великие князья Владимир Александрович и Сергей Александрович, великая княгиня Елизавета Фёдоровна (прославлена в лике святых), обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев и многие другие именитые и простые богомольцы.

Получив Высочайший указ о назначении в Вологодскую губернию, прибыв в город, новый губернатор в стародавние годы с почтовой станции, а позднее с железнодорожного вокзала первым делом следовал в Обыденный храм, прикладываясь к чудотворному образу и по совершении молебна ехал в присутственные места вступать в управление губернией.

Путешествуя к себе на родину в с. Суру, святой угодник Иоанн Кронштадтский в каждое своё посещение Вологды совершал в соборе Литургию.

После 1917 года для собора, как и для всей Православной Церкви, настало время скорбей. Новые власти, провозгласившие свободу, бесчестили и оскверняли то, чему народ искони молился и перед чем благоговел. Весной 1922 года из собора изымались ценности. Под таким лукавым названием происходило повсеместное ограбление православных храмов и монастырей. Куда подевались веками накопленные сокровища, неизвестно. Во всяком случае, народу, от имени которого вершилось беззаконие, не перепало ничего.

Но вологжане не смирились с поруганием своих святынь и вели за них борьбу.

«Особое внимание следует сосредоточить на почитании местночтимых чудотворных икон. Главная святыня Вологды – чудотворная икона Всемиловитого Спаса находилась – в Спасо-Всеградском соборе. После закрытия собора (11 марта 1924 года) икона была передана в Кирилло-Рощенскую приходскую церковь, где и хранилась до 29 декабря 1926 года. В результате общей проверки богослужебного имущества храмов Вологды означенная икона была передана в Вологодский музей. Спасо-Всеградский собор, а затем и Кирилло-Рощенская церковь были всегда наполнены молящимися «приходящими на поклонение этой святыне». В дни празднования чтимого образа (31 октября) совершались высокаторжественные службы.

Передачу иконы в Вологодский губмузей верующие вологжане восприняли негативно. В местные и центральные органы власти поступали многочисленные прошения о возвращении иконы верующим. В сводках ОГПУ за январь 1927 года зафиксирован следующий факт: «В июне 1926 года губернский исполком вынес Постановление об изъятии данной иконы, однако община оказала в этом большое сопротивление и икона осталась не изъята». В донесениях осведомителей в 1928 отмечалось, что «несколько староцерковнических приходов сразу же после изъятия иконы обращались в Губадмот-

дел и Губмузей с просьбой выдать им икону «Спаса обыденного» как чтимую верующими, чтобы она была доступна для поклонения всех желающих». Православные вологжане обращали внимание на то, что «возвращение в пользование верующих чтимого образа Спаса Всемилоственного, а также и других святых Спасо-Всеградского собора, вывезенных из Кирилло-Рощенской церкви, внесёт духовное удовлетворение, а может, и примирит верующих с картиной разрушения местных святых». [31]

Просьба верующих осталась без ответа.

В 1935 году собор переоборудовали под кинотеатр и он принял первых зрителей. Кинотеатр в соборе находился почти сорок лет. Именно в кинотеатре им. Горького была атеистическая экспозиция, в которой, в частности присутствовали изображения М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого, находящихся в языках адского пламени.

Кому первому ударила в голову богохульная мысль о сносе Собора, на ком лежит несмыаемый грех – едва ли мы узнаем. Приложивший руку к уничтожению собора, тогдашний председатель горисполкома В. Парменов, давно мёртв, а на доме, где он жил, даже установлена мемориальная доска. Его сообщник, городской архитектор Н. Луценко, по пошлomu складу ума мечтавший сделать из Вологды второй Париж, пребывает в иных краях.

Преступное деяние замыслили, обговорили и приступили к выполнению. Доброе дело не нуждается в особой подготовке и тем паче в оправданиях, а дельце позорное, подлое нужно заранее оправдать, преподнести как благое, общепользное. Необходимо подготовить к нему общественное мнение, хотя всерьёз никто и никогда у нас с мнение этим не считался – ни в советские времена, ни нынешние.

Кинотеатр закрыли 24 октября 1971 года, за неделю до 316-й годовщины знаменательного события (демонстрировался фильм «Моё последнее танго»). Когда из него вывезли аппаратуру, мебель и прочее, кинотеатр умышленно оставили беспризорным. Двери и окна в нём вскоре оказались выломаны, и в пустующее, сиротливо зияющее глазницами окон здание

заходили и забегали все, кому не лень (случайные прохожие, бродяги, собаки) и делали там, что хотели. Немудрено, что через год собор являл собой зрелище безобразное. И это в центре города! На центральной площади, чуть ли не по соседству с обкомом! Да его давно пора снести! Его и снесли, а чтобы место не пропадало даром, соорудили тут огромную клумбу. Варварство совершилось в сентябре 1972 года, не в годовину безбожной пятилетки или хрущёвских гонений, а в эпоху расцвета советской культуры. Попутно, за один скрип, как говорится, погубили детский парк с русскими каруселями и сказочными домиками, до революции именовавшийся Пушкинским.

Священные стены собора долбили ломами и отбойными молотками, грызли бульдозерами, крушили взрывчаткой, раздирали, растаскивали по площади, как куски живого тела, танками. Но о том, что сносят именно собор, знали только старожилы. Из нашей памяти так усердно выскребали всё святое, что мои ровесники, да и я сам, думали, что с площади убирают старое захламлённое здание кинотеатра.

И вот не стало собора. Это же бред: уничтожить великую святыню, чтобы потом разводиться тут маргаритки и анютины глазки. Скатилась бесценная жемчужинка с ладони, канула в щель меж половицы, провалилась в чёрный подвал беспамятства – попробуй сыщи теперь. Неблагодарные потомки предали поруганию и старинный обет, и завещание предков чтить священный день, когда Господь явил чудо перед людьми Своими.

Как, почему у нас сложилось такое отношение к отечественной культуре? Почему в родном доме ведём мы себя как дикие кочевники, которым ничего не жаль? Но оглядитесь вокруг: ведь всё, что окружает нас, одухотворяет и живит – это всё родное, кровное, своё. Год сноса Спаса Обыденного, казалось бы, дела давно минувших дней, но и до сего дня в моей родимой Вологде ломают деревянные дома. На дрова сводят нашу память. Нашу историю. Доведут дом до аварийного состояния, а потом сломают. А то и подожгут. От русской Вологды остались жалкие крохи. Да и вся наша культура стремительно превращается в культуру сувенирную, резервационную, а

полноправной хозяйкой в российском доме (не без поддержки властей) становится массовая культура – чума XX-го и XXI-го столетий.

Когда, когда люди очнутся, одумаются? Когда вспомнят, что они – русские, что своё родное не разрушать, а беречь, лелеять надо? И поймут это не вследствие приказов и инструкций, а душой.

Моровая язва. Роспись в храме

Строительство обыденного храма.
Роспись в храме

Обыденный храм. Роспись в храме

Собор Спаса Обыденного. Вид с алтаря

Собор Всемиловитого Спаса. Конец XIX века

Собор Спаса Обыденного. Вид с южной стороны

Чудотворная икона Спасителя. 1654 год.
Вологодский областной краеведческий музей.
31,5x26,8 см

Чудотворная икона Спасителя.
В окладе

Икона Божьей Матери Тихвинская.
Кровельное железо, масло, 38x70,5 см.
Находилась на стене Тихвинского придела Собора.
Архив автора (дар художника В.Н. Страхова).
Фото С.П. Белова

Внутренний вид алтаря Собора

Нагорная проповедь. Роспись в храме

Вход Господень в Иерусалим. Роспись в храме

Воскрешение праведного Лазаря. Роспись в храме

Спасовсеградский Собор. В 1935-72 гг. кинотеатр им. Горького

Разрушение Собора. Сентябрь 1972 г.
Фото Г.И. Торгованова

Поклонный крест на месте Собора.
Фото архиепископа Максимилиана

Сведения о построении обыденных храмов на Руси

Псков: церкви Покрова Богородицы (1352), св. Афанасия (1407 а не 1417 - ?), Преображения Господня (1438), Похвалы Богородице (5.6.1442), св. Саввы (5.6.1442), Варлаамия Хутынского (1466), Нерукотворного образа Иисуса Христа (25.8.1487), св. Варлаама (1522), Покрова Богородицы (1522), часовня св. Анастасии (1710).

Новгород: церкви святителей Афанасия и Кирилла Александрийских (1390), св. Анастасии (1417), Спаса Всемиловитого (1424), Симеона Богоприимца (1467, существует), Похвалы Богородицы (1527), евангелиста Марка (1533), Андрея Стратилата в Кремле.

Великий Устюг: церковь Воскресения Христова (1474).

Тверь: в 1417-м году был мор «зело страшен... в Твери... во многих местах в один день... ставили и святили... обыденные церкви».

Сольвычегодск: церковь Спасообыденная (16.8.1571, существует).

Ярославль: церкви Введения во храм Богородицы (1314, при основании Толгского монастыря), Спасопробоинская (1612).

Шуя: собор Воскресенский (1654, существует).

Ростов: церковь Всемиловитого Спаса на Торгу (1654).

Суздаль: часовня Николая Угодника (1654).

Вологда: собор Спаса Обыденного (1655).

Кострома: собор Всехсвятский (1655).

Москва: «Великий князь (Василий III) по обещанию построил церковь Иоанна Предтечи на старом Ваганькове, сам первый начал работать... церковь выстроили в один день и в этот же день освятили» (25) (1631); церковь Илии обыденного (год постройки неизвестен, XVII век).

Село Екатерининское Слободского района Вятской области: Екатерининская обыденная церковь (конец XVI – начало XVII в.).

Каргополь: церковь Крестовоздвиженская (год постройки неизвестен).

Торжок: церковь Кирилла и Афанасия.

* * *

Вот что сделала одна-единственная строчка из словаря.
Вот во что разрослась она.

Кажется, сколько добрых слов о словаре Далевом сказано, а всей похвалы всё ж никак не избыть. Кладезю сказочному, чудом возникшему, словарь этот подобен, и как кладезь чудный век не исчерпать, так и словарь этот не постичь – сколько раз его ни откроешь.

Эта статья была написана в 1985 году, когда о многом приходилось поневоле умалчивать. Сейчас я доработал, дополнил её, а в октябре 1997 года по благословению Епископа (ныне Архиепископ) Вологодского и Великоустюжского Максимилиана на месте разрушенного храма воздвигнут поклонный крест.

По его благословению каждый год 31 октября у Поклонного креста совершается молебен.

Даст Бог, доживём мы до того дня, когда будет воссоздан и сам Спас Обыденный, и снова над Вологдой потечёт звон его колоколов.

1985–2018 г.

Список настоятелей

1. Вукол – упоминается в обетной грамоте на построение храма.
2. Исаия – упом. в 1664 г.
3. Иоанн – упом. в 1675 г.
4. Михаил – упом. 1689 г.
5. Сергей Андреев – упом. в 1724 и 1736 гг.
6. Афанасий Иванов – упом. в 1748 и 1768 гг.
7. Пётр Михаил Ставровский – упом. с 1737 по 1795 г.
8. Андрей Артемьев Шешадамов – 1795–1805 гг.
9. Иоанн Яковлев Мудров – 1805–1824 гг.
10. Василий Иванов Нордов – 1824–1833 гг.
11. Иоанн Михайлов Образцов – 1833–1838 гг.
12. Михаил Васильев Васильевский – 1839–1850 гг.
13. Павел Алексеев Прозоровский – 1850–1860 гг.
14. Феодор Яковлев Забелин – 1860–1868 гг.
15. Александр Киров Григоров – 1860–1868 гг.
16. Александр Васильев Баклановский – 1868–1877 гг.
17. Иоанн Николаев Озерков – 1868 г.
18. Иоанн Арсеньев Лебедев – 1877 г.
19. Иоанн Беляев – 1880 г.
20. Иоанн Кузнецов – 1881–1894 гг.
21. Дмитрий Добряков – 1891–1893 гг.
22. Николай Прокошев – 1893–1916 гг. (?)
23. Василий Карпов – 1894–1913 гг.
24. Николай Караулов (на должность псаломщика) – 1898–1900 гг. (последняя дата).
25. Василий Кулаков – 1900 г. (последняя дата).
26. Константин Розов (на должность псаломщика) – 1906–1907 гг. (последняя дата).
27. Александр Соколов – 1907–1911 гг. (последняя дата).
28. Николай Коноплёв – 1914–1916 гг.
29. Иоанн Белков – 1916 г. – ?

Так как после 1917 года история собора была насильственно прервана, на этом список настоятелей обрывается. До 1879 года список взят из книги Н.И. Суворова, затем до 1917 г. он составлен по материалам Вологодских епархиальных ведомостей. Были также священники Иоанн Рукин, о нём известно, что он уволен в 1895 г., и священник Валентин Ильинский, он однажды упоминается в 1914 г.

Хронология Собора

1655 г., 31 октября – поставлен единокладный обетный храм во имя Всемилощивого Спаса.

1655 г., 23 октября – написана единокладная икона Спасителя.

1689–1698 гг. – на месте деревянной церкви построена каменная.

1718 г. – храм украшен живописью.

1824 г., 18 октября – посещение храма Императором Александром Павловичем.

1840 г. – старьй храм разобран, положено основание новому.

1841 г., 9 ноября – освящён престол во имя иконы Божией Матери Тихвинской.

1842 г., 18 января – освящён престол во имя Иакова брата Господня.

1851–1854 гг. – капитальный ремонт храма; при переделке пола обретены брёвна основания первоначальной церкви: 3–2,5 саж.

1854 г., 23 мая – освящение перестроенной церкви.

1856 г. – изготовлена золотая риза на образ Спасителя.

1858 15 июня посещение храма Императором Александром Николаевичем.

1859 г., 14 июля – по определению Святейшего Синода в церкви служат два священника.

1870 г., 18 июня – посещение храма великим князем Александром Александровичем.

1891 г., 16 июля – посещение храма К.П. Победоносцевым.

1892 г., 6 июля – посещение храма о. Иоанном Кронштадтским.

1895 г., 12 июля – посещение храма о. Иоанном Кронштадтским.

1895 г., 29 ноября – указом Святейшего Синода церковь возведена в ранг собора.

1896 г., 28 июня – посещение храма о. Иоанном Кронштадтским.

1897 г., 30 июня – посещение храма о. Иоанном Кронштадтским.

1913 г., 31 июля – посещение храма великой княгиней Елизаветой Фёдоровной.

1922 г., март – апрель – из Собора изымались ценности. Престол собора был покрыт серебряной одеждой, весом 1 пуд, 31 фунт (ок. 30 кг.); икону Спаса Всемилоостивого украшала риза весом 2 фунта чистого золота (800 гр.), её украшали до 400 разной величины бриллиантов и алмазов, более 500 крупных жемчужин, 260 изумрудов, сапфиров, аметистов, топазов, и т.д., и т.д. На колокольне находилось 18 колоколов, общим весом ок. 500 пудов (ок. 8 т).

23.1924 г. – закрытие собора.

1925 г., 7 ноября – в соборе открыт «Дом искусств».

1935 г., 7 ноября – в здании собора открыт кинотеатр им. Горького.

1970 г., 24 июля – решение Вологодского горисполкома о закрытии кинотеатра им. Горького.

1971 г., 24 октября – последний день работы кинотеатра, к/ф «Моё последнее танго».

1972 г., 5 января – решение Вологодского горисполкома о сносе здания бывшего кинотеатра им. Горького.

1972 г., сентябрь – собор снесён.

1987 г. – первая после десятилетий умолчания публикация о храме. (В книге «Вологодские зори»)

1997 г., октябрь – воздвигнут Поклонный крест.

2016 г. – статья о находке списка с иконы Всемилоостивого Спаса в Венеции. (В газете «Премьер»)

Примечание: До 1918 г. даты по старому стилю.

Источники

1. Спасовсеградский собор в городе Вологде и его святыни, Сергиев Посад, 1915.
2. Зеленин Д.К., Обыденные полотенца и обыденные храмы, Живая старина, 1911, XX, с. 16.
3. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), Патриаршая летопись, М., Наука, 1965, т. 11, с. 232
4. ПСРЛ, Устюжская летопись, Л., Наука, 1982, т. 37, с. 40.
6. Зеленин Д.К., указ соч., с.18.
7. Богословские труды, М., 1973, сборник 10, с. 87.
8. ПСРЛ, Тверская летопись, СПб, 1863, т. 15.
9. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, СПб, 1903, т. 77, с. 39.
10. ПСРЛ, Архангелогородский летописец, Л., Наука, 1982, т. 37, с. 37.
11. Письмо В. Хохлова, ст. научного сотрудника Ростовского музея – заповедника (архив автора).
12. ПСРЛ, Пискаревский летописец, М., Наука, 1978, т. 34, с. 101.
13. Большая медицинская энциклопедия, М., 1936, т. 34, с. 639.
14. Борисенков Е., Пасецкий В. Рокот забытых бурь, Наука и жизнь, 1986, № 10, с. 115.
15. Афанасьев А.Н. Древо жизни, М., Современник, 1989, с. 339.
16. Даль В.И. Толковый словарь Госиздат. словарей, М.1955, т. 2, с. 554.
17. там же.
18. Я не случайно поставил знак вопроса. Такие формулировки: в честь, в знак избавления от мора часты в историко-краеведческой литературе XIX–XX веков. В XIX веке обычай строительства обыденных храмов уже прекратился, по всей Руси стояли только памятники ему, и авторы книг, не зная сущности обряда, позволяли себе «поправлять» летописцев. Строительство обыденного храма после мора – бессмыслица. Обыденный храм, икона – не благодарность за избавление от мора, а средство борьбы с ним, благодарность была в том, что эти церкви (иконы) хранили.
19. Шильниковский В.П. Великий Устюг, М., Стройиздат, 1973, с. 57.
20. До этого места глава была сокращённым изложением вышеуказанной статьи Д.К. Зеленина.
21. «О церкви Спаса обыденного в Вологде». Вологодские губернские ведомости, 1841, № 18, 3 мая.

22. ПСРЛ, Вологодская летопись, Л., Наука, 1982, т. 37, с. 195, 199.
23. Нынешняя улица Зосимовская (в советское время – Калинина) прежде называлась Желвунцовской.
24. Суворов Н.И. Описание Спасообыденной Всеградской, что в Вологде, церкви, Вологда, 1879, с. 35.
25. там же, с. 10.
26. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён, М., Мысль, 1989, кн. 3, с. 334.
27. Архивная справка от 12 апреля 2003.
28. ГАВО ф.496, оп.1, д.14379 л.9 вел. кн. Алексей Александрович в Спасе.
29. Вологодские зори, М., Современник, 1987.
30. Коноплёв Н. Свящ. Спасовсеградский собор в г. Вологде и его святыни Сергиев Посад 1915.
31. Спасенкова И.В. Православная традиция в городе 1920–1930-х годов, в книге: Православные традиции на европейском Севере России в XVIII–XIXвеках, Вологда, 2007.
32. Чернова М. Вернуть реликвию, Премьер (газета) 24.5.2016.

Более трёхсот лет назад миром Вологжане созидали Спас Обыденный.

Миром собирались и нынче средства на издание этой книги. Вложились молитвенно и материально священнослужители *Сергий Власов, Алексей Сорокин, Николай Толстиков*; миряне: *Владимир Буланов, София Кулёва, Нина Илюшичева, Владимир Миненков, Иван Поздняков, Любовь Семагина, Владимир и Людмила Шварковы, Алексей и Анна Широких, Владимир Шубейкин, Сергей Чуранов, Людмила Ячеистова*, а также благодетели, пожелавшие остаться неизвестными. Всем им земной благодарственный поклон и многая и благая лета.

После издания книги следующим шагом, по нашему разумению, должно стать возрождение самого собора. Обращаюсь ко всем, любящим Православную Церковь, Россию, нашу родную Вологду: покажем, что мы достойные потомки благочестивых вологжан, воздвигших в 1655 году городскую святыню.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Что такое обыденная церковь (обыденный храм)? Повод к её возведению

7

ВТОРАЯ ГЛАВА

Как строились обыденные церкви?

10

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Когда и где строились обыденные церкви?

14

ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА

Почему обыденный храм именно обыденный?

17

ПЯТАЯ ГЛАВА

Всеградский собор Всемиловитового Спаса в г. Вологде

21

Сведения о построении обыденных храмов на Руси

42

Список настоятелей

44

Хронология Собора

46

Источники

48

Духовно-просветительное издание

Роберт Александрович Балакшин
СОБОР СПАСА ОБЫДЕННОГО В ВОЛОГДЕ

*Печатается в авторской редакции
Вёрстка Е.А. Черкашиной*

Подписано в печать 27.04.2018. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 3,48. Тираж 300 экз.
Заказ 381. Бумага офсетная. Печать цифровая

ООО «Издательство «Сад-огород», 160033, г. Вологда, ул. Текстильщиков, 20-а,
тел.: 8 (8172) 73-12-22, e-mail: vologdapost@yandex.ru

